

Михаил Петрович Арцыбашев

Сильнее смерти



Михаил Арцыбашев

Сильнее смерти

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Сильнее смерти / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«Здоровенный блузник, в деревянных башмаках, с треуголкой национального гвардейца на круглой голове и с тяжелым ружьем в руках, отворил дверь Жану Лемерсье. Он неуклюже посторонился, пропуская маленького ученого, и сверху посмотрел на его рыжий паричок с таким выражением, как будто недоумевал, почему бы ему просто не треснуть прикладом по черепу этого друга врагов народа. Подгибающимися ножками в коричневых заштопанных чулках Жан Лемерсье переступил порог и увидел грязные стены, маленькое тусклое окно, забранное решеткой, кучу соломы и два человеческих силуэта, закопошившихся на полу, в полосе света, упавшего из отворенной двери...»

© Арцыбашев М. П., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Петрович Арцыбашев

Сильнее смерти

I

Здоровенный блузник, в деревянных башмаках, с треуголкой национального гвардейца на круглой голове и с тяжелым ружьем в руках, отворил дверь Жану Лемерсье. Он неуклюже посторонился, пропуская маленького ученого, и сверху посмотрел на его рыжий паричок с таким выражением, как будто недоумевал, почему бы ему просто не треснуть прикладом по черепу этого друга врагов народа.

Подгибающимися ножками в коричневых заштопанных чулках Жан Лемерсье переступил порог и увидел грязные стены, маленькое тусклое окно, забранное решеткой, кучу соломы и два человеческих силуэта, закопотившихся на полу, в полосе света, упавшего из отворенной двери.

Это была обыкновенная тюрьма: для мелких воришек, пьяниц и неосторожных должников. В обычное время здесь беззаботно насвистывали уличные песенки неунывающие оборванцы, мрачно вытрезвлялись подгулявшие извозчики или сидел, ковыряя штукатурку, какой-нибудь мелкий лавочник, сетующий на превратности судьбы и торговли. Теперь, в грозные дни народного гнева, это жалкое, скучное здание, о котором часто забывало само тюремное ведомство, превратилось в страшную революционную тюрьму, из которой выход был только один: на подмостки гильотины.

Жан Лемерсье остановился при входе, невольно вздрогнув, ко/да тяжелая дверь с железным гулом захлопнулась за ним и загремел ключ, поворачиваемый в замке. Сердце его сжалось, точно эта дверь закрылась за ним навсегда, но еще больше сжалось оттого, что он увидел Жюля Мартэна в такой обстановке.

Один из двух, лежавших на соломе, – поднял голову и долго вглядывался в неожиданного посетителя. При слабом свете окна, пробитого под самым потолком, Жан Лемерсье узнал знакомое лицо.

Но, Боже мой, как страшно и печально оно изменилось!.. От жизнерадостного, энергичного Жюля Мартэна, молодого ученого, подававшего такие громадные надежды, его любимого ученика и его гордости, казалось, ничего не осталось в этом худом, землисто-сером лице с горящими и обведенными черными кругами глазами приговоренного к смерти человека.

Он был взлохмачен и небрит; его крупный горбатый нос опустился и повис; платье было разорвано и запачкано известкой; на щеке чернел длинный рубец запекшейся крови: кто-то во время ареста ударил его пикой в лицо и едва не разорвал рот.

Жан Лемерсье горестно стоял на пороге, не в силах будучи произнести ни одного слова. Мартэн тоже молчал и смотрел на своего старого учителя так тупо и тяжело, точно не узнавал его или уже не интересовался ничем из своей прошлой жизни, такой красочной и деятельной, полной таких возможностей и стремлений и не имеющей ничего общего с той предсмертной тоской, в которой он провел эти три дня.

– Жюль! – слабым голосом воскликнул старичок. Милый Жюль!..

Он поднял руки к потолку и опустил их на свой рыжий паричок, подогнув колени. Слезы потекли из-под его круглых смешных очков.

И по этому движению, без слов, Жюль Мартэн понял, что все усилия были напрасны, и участь его решена.

Никто не может описать тех страшных и жалких судорог человеческой души, в которых, потрясаются и сердце, и разум, но в следующую минуту Жан Лемерсье, старый, сухой ученый,

уже стоял на коленях, в грязной соломе, и трясущимися старческими руками обнимал голову, на которую он и великая наука возлагали столько светлых упований и которая завтра должна отлететь под ударом кровавой машины.

Другой заключенный приподнялся на соломе и с безобразной гримасой смотрел на них.

Это был настоящий уличный сорванец, воспользовавшийся днями великой борьбы за свободу для того, чтобы убить и ограбить какого-то случайного прохожего в темном переулке предместья.

Ему не повезло: он был схвачен на месте преступления проходившим патрулем национальных гвардейцев и, в пример разнуждавшейся черни, должен был погибнуть на эшафоте, рядом с идейными врагами народа и случайными жертвами смуты умов.

Юноша, с испытанным и наглым лицом, на котором пьянство и разврат положили неизгладимые отвратительные черты, – он знал, что голова его слетит с плеч, но относился к этому с тупым равнодушием, как к чему-то такому, чему быть и не миновать, но о чем не стоит слишком много беспокоиться. Ему было все равно, потому что жизнь не дала ему ничего, кроме нужды, грязи и побоев, и не заслужила сожалений.

За дверьми слышались тяжелые шаги блузника, который развлекался, ударяя прикладом об пол, в такт воинственной и бравурной песенке, только что ставшей гимном восставшего народа.

Жан Лемерсье сидел на соломе рядом с Жюлем Мартэном, горестно смотрел на его посиневшее мертвенное лицо и украдкой утирал слезы, повисавшие на кончике своего носа.

Вчера здесь был еще и третий: толстенький, прилично одетый буржуа, совершенно, впрочем, раскисший от ужаса. Он защищал короля, уверенный в его победе над бунтовщиками, и ожидал немалых выгод от такой преданности престолу. Когда же хозяевами Парижа и жизни стали эти самые бунтовщики, он так растерялся, что даже не сообразил вовремя переменить убеждения.

Брат его, более догадливый, а потому оставшийся в стороне, тоже как-то пробрался к нему накануне казни. Они плакали в объятиях друг друга, и насмешливый, даже перед смертью, гамэн с искренним презрением смотрел на них. Ему было противно и смешно, что люди так дорожат жизнью, так теряются и падают духом, не умея умереть, по крайней мере, забавно. Он был в злобном восторге, когда мокрого и жалкого толстяка, издававшего скверный запах, волокли к двери, а он, с выпученными бессмысленными глазами, цеплялся за полы палачей, как за самую жизнь.

И теперь гамэн ожидал, что и эти двое также будут тискать друг друга в объятиях, обливая слезами и бормоча жалкие слова. Гамэн с гримасой презрения отвернулся к стене и стал громко насвистывать ту самую песенку, во имя которой ему предстояло сделать коротенькую прогулку в компании палача.

Но через минуту замолк и стал прислушиваться в тяжелом недоумении.

Жан Лемерсье, с заплаканным сморщенным личиком, и Жюль Мартэн, с бледным неподвижным лицом, как бы окаменевшим в страшном напряжении, говорили не о жизни, не о смерти, а о каких-то ретортах, температуре, формулах и элементах. Они даже как будто спорили, и это было так странно, что оборванец широко раскрыл глаза.

Да, все это было так.

На куче грязной соломы, при слабом свете, падающем из-под потолка, сидели эти два человека и в последнюю минуту земного свидания говорили о том же, чем жили свою жизнь, – о науке.

Гамэн даже присвистнул от изумления.

Насколько он мог понять, Жюль Мартэн торопился передать Жану Лемерсье данные, добытые каким-то опытом, который он не успел довести до конца, арестованный в самой лаборатории. Жан Лемерсье уже не плакал: он жадно смотрел в рот Жюлю Мартэну и, видимо,

старался не проронить ни одного слова, не забыть ни одной цифры. Лицо Жюля, правда, было так же мертвенно-бледно, как и прежде, и нос его казался восковым, но глаза смотрели остро и сознательно. В них уже не было того мертвого равнодушия, в котором он провел эти три дня, с которым присутствовал при трогательном прощании двух буржуа и проводил на смерть случайного товарища по несчастью, судорожно цеплявшегося за дверь, кусавшегося, визжавшего, поджимавшего ноги и, наконец, вынесенного на руках помощниками палача. Его лицо не дрогнуло даже тогда, когда замер последний предсмертный вопль, где за стеной прорычал тяжелый нож, скатившийся по желобам гильотины, и радостно заревела толпа. А теперь лицо это было неузнаваемо: непреоборимая воля горела в нем, а голос звучал с подъемом необычайным.

Гамэну стало досадно: человеку осталось жить всего несколько часов, а он толкует о какой-то науке!.. Конечно, он сам умрет молодцом, не хуже Жака Красной Куртки, и даже, наверное, скажет две-три остроты палачу, вызвав одобрительный хохот толпы, среди которой, надо полагать, будет много его товарищей и уличных подруг. Эти остроты долго потом будут повторяться в кабачках!.. Конечно, жизнь не стоит того, чтобы о ней жалеть, но какой смысл беспокоиться о какой-то там науке, с которой во всяком случае все счета покончены?.. Черт возьми!.. Гамэн лег на солому и снова решительно отвернулся к стене. Ему хотелось вырваться, но почему-то он не сделал этого, а только постарался не слушать.

Быть может, он задремал или задумался, но громкий голос Жюля Мартэна опять привлек его внимание.

– Я остаюсь на той же точке зрения, дорогой учитель, – говорил он возбужденно, – я много думал об этом прошлую ночь... Помню, я случайно перерубил заступом ящерицу... Одна половина ее, с головой на двух ногах, умчалась так быстро, что я не мог найти ее, а другая еще около часа свивала и развивала хвост... Вы понимаете, как будут посрамлены все гипотезы аббата Френуа, если мы докажем, что человек подвержен тем же законам, что и простое животное!.. Я думаю, это удастся!.. Центр сознания, несомненно, лежит здесь, в мозгу, и пока кровь еще питает его, мысль не может прекратиться... Мы сделаем это, дорогой учитель!.. Мне легче будет умирать, когда я буду знать, что умер не: напрасно!.. Вы поможете мне!.. Значит, так... когда меня... поведут, постарайтесь стать сзади гильотины, там, куда падает голова... Поговорите с главным палачом: он занимается анатомией и любит науку... Для нее он постарается помочь вам исполнить все в точности, и вам не помешают в последнюю минуту. И вот, как только голова отделится от тела, схватите ее... даже, знаете, будет лучше, если вы будете держать ее за волосы, чтобы она не ударилась при падении... Это очень важно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.